

УДК 316.7:008

А.В. Назарчук
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

НАЗАРЧУК Александр Викторович — д. филос. н., профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: nav@sstr.ru.

В статье анализируется понятие мультикультурализма в контексте миграционных процессов, резко ускорившихся вследствие глобализации. Автор рассматривает мультикультурализм и с точки зрения социальной теории, и в контексте современной политической практики. В статье показано, что в современном сетевом обществе, пронизанном цифровыми коммуникациями, воспроизводятся суррогаты среды социализации, препятствующие адаптации мигрантов в новом обществе. Анализируется процесс функционирования субкультур мигрантов в сетевом постиндустриальном обществе. Автор показывает, какие объективные препятствия возникают на пути имплементации стратегии мультикультурализма в новой коммуникационной среде. Вывод, который делает автор, состоит в том, что современной альтернативой политической стратегии мультикультурализма является интеграция субкультур в структуру материнской культуры-реципиента, базирующаяся на конвергенции культурных моделей.

Ключевые слова: Мультикультурализм, сетевое общество, интеграция мигрантов, ассимиляция, культурная идентичность, культура-реципиент, лингвистический каркас культуры, «виртуальная репатриация», культурная конвергенция.

В последние годы внимание общественности и политиков привлекает дискуссия по вопросам миграционной политики, прежде всего мультикультурализма. Под мультикультурализмом понимается такое отношение страны-реципиента к миграционным потокам, которое признает право на культивирование и сохранение этнокультурных различий меньшинств, образуемых эмигрантами.

В начале 2000-х гг. понятие мультикультурализма на короткое время объединило либерально и консервативно настроенные политические круги. Первые в идее мультикультурализма одобряли движение к созданию формально равноправных условий для интеграции меньшинств, вторые поддерживали стремление к сохранению традиционных идентичностей в духе коммунитаризма. Реальность наших дней смешала карты политиков, позволяя говорить о провале политики мультикультурализма. В последние годы в Европе и во всем мире заметно увеличилось число межэтнических конфликтов, усилились националистические настроения. Налицо очевидная неспособность государства справиться с ростом потока мигрантов и, главное, отсутствие видимой гармонизации межэтнических отношений социокультурных меньшинств.

© Назарчук А. В., 2012

Процессы интеграции и ассимиляции меньшинств в современном техногенном обществе резко замедлились, и это стало основной неожиданностью как для политиков, так и для ученых. Мультикультурализм ведет к дистанцированию этнических групп друг от друга, обострение темы идентичности не позволяет обнаружить перспективу некоего гражданско-культурного единства. Заявления А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерона о банкротстве политики мультикультурализма говорят о начале резкого поворота европейской политики в свете новой миграционной ситуации.

Вопрос стоит, однако, иным образом. Существует ли альтернатива мультикультурализму? Можем ли мы в современных условиях иначе сформулировать приоритеты и пути миграционной политики, чтобы хотя бы понимать происходящие социальные процессы, а уж тем более, оказывать на них влияние? Миграция — не опцион, который можно принять или не принять. Это отражение современной социальной ситуации, структуры социально-экономических процессов, многие из характеристик которой отражаются в понятии глобализации. Интенсификация коммуникаций, сопровождающаяся повышением прозрачности и проницаемости государственных границ, способствует увеличению миграционных потоков. Часть из них вызвана движением из регионов бедствия — будь то экономическая миграция или поток беженцев из регионов военно-политических конфликтов. Часть вызывается потребностями обществ-реципиентов, обусловленными демографическим старением населения, нехваткой рабочей силы, экономическим ростом. Германия 1970-х годов, как пылесос, всасывала рабочую силу Юга, подготавливая проблемы, с которыми столкнулась сегодня. Напор рабочей силы из стран-доноров создается вакуумом в странах-реципиентах — имеет место демографическое выравнивание в глобальном масштабе, вызванное экономическим неравенством, которое не может эффективно сдерживаться военно-пограничными мерами, как прежде. Поток мигрантов становится столь мощным, что общества-реципиенты — в основном страны «золотого миллиарда» — не в силах справиться с усвоением этих масс, как это было ранее.

Мультикультурализм позволяет консервировать социально-этнические различия и блокирует ассимиляцию. В последнее десятилетие миграция в Европу составляет более 2 млн. чел. ежегодно. Проблема, однако, не в количестве. В условиях современной коммуникации несостоятельной стала сама концепция ассимиляции меньшинств — основное условие того, что страны-реципиенты в принципе согласны на миграцию. Противоречие в интенциях: стратегическая установка на полную ассимиляцию меньшинств по модели «плавильного котла», как в США, и тактическое согласие с «политикой мультикультурализма» как наиболее беспроblemного пути сосуществования меньшинств, — трансформировались в конфликт. Иными словами, коллапс наблюдается не только применительно к концепции мультикультурализма, но и в целом в отношении культурной идентичности общества.

Одной из ключевых причин, приведших к этой ситуации, являются технологические инновации. Современные коммуникационные технологии создают сетевое общество, имеющее ряд качественно новых социальных характеристик. Цифровые коммуникации, благодаря своей информационной мощи и виртуальной образной силе, воспроизводят суррогаты среды социализации и тем самым компенсируют существенную часть изменений культурной среды, которые обычно вынуждают мигранта к адаптации к новой среде и ассимиляции. Спутниковые телеканалы, печать по требованию, Интернет, транспорт, общественные ассоциации легко создают для образованного городского мигранта духовное

окружение, с которым он всегда имел дело. Сохраняя субкультуру в семье, он воссоздает ее и в рамках коммунальной жизни в городских кварталах. Культура получает формат сетевых отношений, который позволяет поддерживать себя в сколь угодно количестве удаленных ячеек. В этом формате она прекрасно справляется с задачей этнической и иных форм идентичности.

Вместе с тем информационно оснащенное меньшинство, оказываясь в чуждой среде и сталкиваясь с новыми вызовами, не просто пассивно сохраняет свою субкультуру. Оно становится столь уверенным в себе, особенно во втором, третьем и последующих поколениях мигрантов, что смело вступает в диалог и даже в борьбу за собственные ценности. Ощущая свою родную культуру под шквалом культурной критики, меньшинства начинают активно отстаивать ее и подвергать критике культуру реципиента. Борьба культур, ранее лишь удаленная и абстрактная, актуализируется в центре европейских городов. Более того, не имея полноценной социализации, культура национальных меньшинств деформируется, выдвигая на передний план религиозные и этнические акценты. Это не противостояние общностей, а конфликт принципов, конфликт идеологем.

Традиционная социальная теория исходит из того, что единому обществу свойственна единая культура. Не означает ли это, что расцвет ареалов чуждых культур раскалывает общество, превращает каждую страну в совокупность разных обществ, поделенных не по региональным границам, а по границам культурного присутствия? Если это так и глобализация способствует данному процессу, то нас ждет коллапс национально-государственной жизни. Причем картина, воспроизводящая ландшафт межэтнических взаимодействий внутри страны, должна накладываться на картину, воспроизводящую межэтнические отношения между странами и регионами.

Сегодня нерв этого конфликта проходит по границе европейско-христианской и арабско-мусульманской культур. «Выхлопом» конфликта является международный терроризм, в котором без обиняков обвиняется мусульманский мир. Стоит ли мистифицировать этот конфликт и нагнетать катастрофическую картину. Терроризм является громкой хлопушкой, но способен ли он вести к глубоким социальным реформам внутри своих обществ? Не являются ли фундаментальные подвижки в арабских обществах ответом на вызовы модернизации и стремлением к глубокому обновлению своих культур? Или же они являются реакцией на экспансию европейской культуры и влекут за собой еще более глубокую исламизацию жизни? Чтобы разобраться в этом, нужно понимать суть проблемной ситуации, в которую погружен мигрант и которая свойственна сосуществованию этносов в новой социальной среде. Мне кажется, помочь в этом может лингво-прагматический подход, разработанный в философской традиции, идущей от Ч. Пирса к Ю. Хабермасу.

Возрастающая комплексность культурно-политических отношений, вызываемых миграционными процессами, обусловлена взаимодействием двух начал. Одно из них имеет свойство жесткой устойчивости, другое — мобильной подвижности. Первое исходит из того, что этнокультурная идентичность опирается на свою лингвистическую уникальность, сопровождаемую комплексом историко-религиозных маркеров, символов, традиций. Второе коренится в том, что устойчивость базового ядра культуры обусловлена ее способностью интерпретировать и сколь угодно гибко и мобильно трансформировать внешнюю символическую среду.

Фундаментальный элемент культурной прагматики, лингвистическая компетентность индивида, по своей природе является тем константным началом, устойчивость которого только и делает возможными его гибкость и адаптивность. Язык невозможно сменить, не ставя под вопрос саму идентичность индивида. Любые этнические меньшинства адаптируются, усваивая социальный язык внешнего окружения как второй язык. Второй язык не может стать первым. Иного нельзя ожидать. Согласно идеям трансцендентального или универсально-прагматического подхода К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, иллюкативные претензии на значимость, заложенные в любом языковом действии, опираются на априори, которые нельзя поставить под сомнение. Их универсализм обуславливает идентичность персоны и ее языка. Поясню свою мысль. «Я мыслю» невозможно отделить от «я мыслю в языке». Это идущее от Пирса открытие послужило для Апеля путем переноса понятия интерсубъективности из когнитивной плоскости в лингвистическую. Интерсубъективность, встреча Я с Alter Ego происходит только внутри языка. Это, в частности, делает смену языков трудновыполнимой задачей. Конечно, можно добровольно или под давлением обстоятельств менять фонетическую и лексическую оболочку языков, но такие ситуации подразумевают смену языковых игр, но не изменение языкового мышления. Даже в условиях репрессивного давления доминирующей культуры смена языков требует нескольких поколений. В условиях же мультикультурализма он еще более усложняется. Интесубъективный характер языка выступает как социальный норматив, на который невозможно воздействовать из перспективы индивида. Это подчеркивал Л. Витгенштейн, говоря о невозможности приватного языка. Нельзя следовать языковым правилам в одиночестве. Язык надиндивидуален. Соответственно, можно переходить в разные языковые игры, но не менять их, находясь внутри одной из них.

Жесткость лингвистического каркаса любой культуры обеспечивает ей феноменальную устойчивость, поддерживая жизнь символов, которые держатся только социально-исторической памятью и всегда стоят под угрозой забвения. Каждый язык разворачивается в комплексе символов, имеющих социально-идентификационную природу. Религиозные культы и поведенческие традиции в условиях технико-экономической модернизации обнаруживают большую мобильность, но едва ли можно говорить о секуляризации как доминирующей тенденции в среде мигрантов из мусульманских стран. Символы меняют свои значения посредством интерпретаций, т.е. форм языка, остающихся несменяемыми. Это диалектическое единство устойчивости и гибкости делает лингвистические компетенции индивида чрезвычайно мобильными, без утраты идентичности. Несмотря на секуляризацию, жизненные миры настолько плотно охватывают повседневность, что всегда можно воздействовать на ее элементы, но невозможно сместить все значения целиком. Культурные символы и маркеры для участников жизненного мира являются предпосылками коммуникации, в своей совокупности не ставимыми под сомнение и не поддающимися под критику, или, как говорит Хабермас, квазитрансцендентальными.

Указанные свойства лингвистического поведения были положены в основание стратегии мультикультурализма. Предполагалось, что индивид, не воспринимая новую лингвистическую среду как насилие, постепенно адаптируется к ней, а его наследники столь же естественно меняют языковую игру и уже идентифицируются в новой культурной среде как ее дети. Так и происходит с эмигрантами, приезжающими из стран с родственной культурой. Смещение культурных значений здесь не так велико, как в случае, когда речь идет о встрече

разных цивилизаций. Пришельцам из совершенно иной культурной среды приходится сложнее. Их культурная идентичность воспринимает новый символический комплекс не как уточнение или переинтерпретацию, но скорее как вызов. Им есть за что бороться, а главное, понятен путь, как это отстаивать.

Современные коммуникации меняют эту ситуацию. Они дают такую коммуникационную поддержку жизненным мирам и языковым играм, что компенсируют прессинг со стороны новой культурной среды. Они не делают ассимиляцию неизбежной и даже могут считать ее ненужной. Новые коммуникации придают многим родным символам и элементам силу институтов, как это и было свойственно родной культуре. Они приносят не что иное, как возможность виртуальной репатриации, возвращение на родину в удаленном режиме. При этом угроза выживания зачастую придает слабым субкультурам новые силы, возвращая к жизни элементы, утрачиваемые реальной социальной практикой. В этой связи говорят о реактивно-фундаменталистском ресурсе этнонационализма, мобилизуемым новой коммуникационной средой.

В то время как лингвистическая основа культуры обнаруживает жесткость и устойчивость благодаря коммуникациям, именно эти коммуникации, ускоряя миграцию, ведут к тому, что ареалы культур теряют свои жесткие и привычные территориальные очертания. Глобализация придает им гибкость, что означает и экспансию культур, и рост конфликтов. Особый феномен связан с сетевой структурой культурных коммуникаций. Создавая сети, культуры создают повсюду свои клоны, перенося свое присутствие в разные культурные среды. Терроризм есть яркий пример контратакующего действия культуры в чужой культурной среде, но гораздо более опасный инструмент — массовые акции. Ничто не мешает меньшинствам созывать свои силы в условных точках, чтобы продемонстрировать свою мощь, и это вызывает ответную реакцию. И вот, недавние события в Москве повторяют сценарии, прошедшие в Париже, Сиднее и иных местах.

Итак, есть ли альтернатива мультикультурализму? Современные коммуникации усиливают локальные культуры. Но это не значит, что они их не меняют. В новой ситуации сменилась постановка вопроса: ассимилировать необходимо не людей, а культуры, превращать их в субкультуры, органично вписывающиеся в материнскую культуру-реципиента. Уже сегодня существует специфическая арабско-французская или германотурецкая культура. Процессы конвергенции не противоречат политике мультикультурализма, а ориентируют ее на новые цели и наполняют новым смыслом. Речь должна идти не об ассимиляции мигрантов, а о конвергенции многообразия культурных моделей. Конвергенция не уменьшит многообразия и плюрализма культур, она не ослабит межкультурную коммуникацию. Речь идет о том, чтобы идеи модерна перестали быть исключительной собственностью европейской культуры, чтобы ценности современного общества разделялись теми культурами, которые мы привыкли называть традиционными. Это подразумевает не пассивное наблюдение над автономной жизнью этнических меньшинств, а их активную интеграцию в общественные процессы, в политическую жизнь. И новые коммуникации выступают здесь не противником, а союзником. Пусть такая политика несет в себе новые вызовы и большую работу, она дает новые надежды и, по большому счету, остается сегодня столь же безальтернативной, сколь и естественной.